

ПАТРУШЕВ СЕРГЕЙ

ТИШИНА МЕЖДУ
ВЫСТРЕЛАМИ

Сергей Патрушев

Тишина между выстрелами

«Автор»

2026

Патрушев С.

Тишина между выстрелами / С. Патрушев — «Автор», 2026

Война стёрла границы добра и зла. Николай и Анна обычные люди, ставшие выжившими. Они идут по дороге, усеянной телами и предательством. Иногда помогают, бывает, что и крадут. Каждый шаг — компромисс с совестью. Они крадут машины, оружие, еду, обманывают и бросают других, чтобы спастись.

Николай молчит, Анна чувствует. Их путь — череда нравственных падений и редких проблесков света. В конце им предстоит выбор, который невозможно сделать, не потеряв себя. Это сага о звенящей пустоте, что наступает после раската грома — тишине, оглушительнее канонады. О том, как, спасая плоть, мы сдираем с души кожу, оставляя лишь голый инстинкт. Это повесть о двух тенях в ледяном аду, которые вопреки законам выживания решили не жрать друг друга, а согревать. О руке, протянутой над бездной безумия. Но в мире, где сожжены все мосты, куда может привести этот путь, если не в самую смерть?

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. «Точка невозврата»	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Сергей Патрушев

Тишина между выстрелами

Глава 1. «Точка невозврата»

Асфальт под ногами давно перестал быть дорогой. Он превратился в лоскутное одеяло из выбоин, трещин и спекшейся черной крошки, которая хрустела при каждом шаге, как битое стекло. Николай вел Анну за руку, крепко сжимая ее ледяные пальцы. Его ладонь была влажной от пота, но он не разжимал хватку, чувствуя, что если отпустит, она просто сядет на эту обочину и больше не встанет.

Война не объявляла о своем приходе сиренами гражданской обороны, как учили в старых советских фильмах. Она не дала времени собрать тревожные чемоданчики, заклеить окна крест-накрест или спуститься в подвал. Она просто ворвалась в их спальню в четыре утра ослепительной вспышкой за окном, от которой дрогнули стекла, и низким, утробным гулом, от которого завибрировали кости. В ту секунду жизнь Николая и Анны разделилась на «до» и «после». «До» осталось там, в дымящихся руинах их панельной девятиэтажки, среди запаха сгоревшего пластика и разлитого кофе. «После» началось здесь, на разбитой трассе, уходящей на запад, в серую, затянутую гарью неизвестность.

У них не было цели. Не было конкретного города, родственников или друзей, к которым можно было прибиться. Карта в навигаторе телефона Николая умерла еще вчера, когда отключили вышки сотовой связи, превратив дорогой гаджет в бесполезный кусок стекла и пластика. Их единственной, животной целью было движение. Уйти. Оторваться. Перестать слышать этот гул, который теперь стал постоянным саундтреком их существования — то далекий, то пугающе близкий, перемежающийся с сухим треском, от которого закладывало уши. Они просто шли, переставляя ноги, потому что остановка означала смерть.

Николай молчал. Его молчание не было угрюмым или обиженным; это была выжженная земля внутри черепной коробки. Он смотрел только вперед, на горизонт, где серое осеннее небо сливалось с таким же серым, изъеденным временем бетоном. Он сканировал пространство на предмет движения. Любой куст, любое дерево на обочине могли скрывать опасность. Его мозг, отказываясь принимать масштаб катастрофы, работал в режиме первобытного охотника: сканирование, оценка угрозы, шаг. Он не думал о том, что они будут есть вечером, где будут спать и как пересекут реку, о которой говорили в редких обрывках радиоэфира. Он думал только о следующем шаге. Левая нога. Правая нога. Не споткнуться. Держать темп.

Анна держалась за его руку, как утопающий за спасательный круг. Она пыталась смотреть под ноги, чтобы не подвернуть стопу в своих городских кроссовках, совершенно не предназначенных для марш-бросков по бездорожью, но взгляд то и дело соскальзывал на горизонт. Она ждала вспышки. Каждый раз, когда гул наверху становился чуть громче, ее плечи инстинктивно поднимались, втягивая голову, словно это могло защитить от осколков. Она пыталась дышать в такт шагам, но воздух обжигал горло гарью. Пахло жженой резиной, соляркой и чем-то сладковато-металлическим — запахом, который она никогда раньше не могла идентифицировать, но теперь знала, что это кровь, смешавшаяся с дорожной пылью.

К полудню они увидели первый признак того, что их «после» уже наступило для тысяч других.

Сначала показался хвост пробки. Машины стояли на встречной полосе, брошенные с распахнутыми дверями и ключами, все еще торчащими в замках зажигания. Это была обычная пробка из тех, что случаются перед праздниками, но сейчас она выглядела как кладбище.

Николай замедлил шаг, инстинктивно дернув Анну в кювет, в пожухлую, грязную траву. Они пошли по обочине, прячась за остовами автомобилей.

Это была колонна гражданских. Обычные люди, пытавшиеся бежать в первые часы. Седаны, набитые чемоданами, одинокий семейный минивэн с распахнутой боковой дверью, из которой вывалились и рассыпались по асфальту яркие детские игрушки, старенький «жигуленок» с привязанным на багажнике пухлым матрасом.

Первый автомобиль, который они обогнули, был всмятку. Не просто помят — тяжелый снаряд или авиационная ракета сорвали с него крышу, как консервную банку, вывернув стальные ребра наружу. Внутри, на водительском сиденье, застыло темное, спекшееся нечто. Николай увидел это лишь краем глаза — белеющую в темноте салона кость, неестественный угол поворота головы. Он не остановился. Он не позволил себе остановиться. Он сжал пальцы Анны так сильно, что она тихо вскрикнула, но не от боли, а от этого сдавленного, транслируемого ей ужаса.

— Не смотри, — хрипло бросил он, не поворачивая головы. — Смотри на меня. Иди за мной.

Но не смотреть было невозможно.

Они проходили мимо застывших мгновений чужого апокалипсиса. Вот женщина, выброшенная взрывной волной из машины, лежащая лицом вниз. Ее светлые волосы разметались по черному от копоти асфальту, а рука все еще сжимала ручку дешевой дорожной сумки. Вот детская куртка, яркая, с нарисованными динозаврами, висящая на искореженном куске металла. Пустая.

Анна начала задыхаться. Ее пальцы в руке Николая стали ватными. Желудок подкатил к горлу, но рвать было нечем — с утра у них не было ни крошки во рту, только теплая вода из пластиковой бутылки, которую Николай берег как величайшую драгоценность. Она видела тела, видела изувеченный металл, видела брошенную жизнь, и первобытный ужас, гнавший их вперед, столкнулся с параличом. Ноги стали свинцовыми. Каждая клетка тела кричала, что нужно лечь на землю, притвориться мертвой, закрыть глаза и перестать существовать, чтобы этот кошмар закончился.

— Я не могу, — прошептала она, и ее голос сорвался. — Коля, я не могу больше идти. Там... там люди.

— Это уже не люди, Аня, — его голос прозвучал механически, безжизненно. — Это препятствия. Иди. Если сядешь, мы останемся здесь. Навсегда.

Он не был жесток. Он просто отключил в себе человека, оставив только функцию выживания. Он потащил ее за собой, почти волоком, переступая через масляные пятна и осколки. Инстинкт гнал их вперед, прочь от этого места, где воздух был настолько густым от смерти, что его, казалось, можно было резать ножом. Они миновали колонну, спустились в заросший бурьяном овраг, прошли по дну, хрустя сухими ветками, и только поднявшись на противоположный склон, Николай позволил им на десять секунд прислониться к стволу старой, покрытой черными оспинами березы. Он смотрел назад. Дым над трассой становился гуще. Где-то там, позади, догорали остатки чьих-то надежд на эвакуацию.

День тянулся бесконечно. Солнце, скрытое плотной пеленой дыма, превратилось в тусклое, бледное пятно, едва освещающее мир. Они шли мимо мертвых деревень. Дома с выбитыми окнами смотрели на них черными глазницами. Иногда из-за заборов доносился тоскливый, одичавший лай — собаки, оставшиеся без хозяев, сходили с ума от голода и одиночества. Николай наметил для себя полуразрушенный сарай на окраине одной из таких деревень как потенциальное укрытие на ночь, но они еще не прошли и половины дневной нормы этого бесконечного ада.

Ближе к вечеру, когда тени от редких деревьев вытянулись на сером асфальте длинными, изломанными пальцами, гул изменился.

До этого он был фоновым, низким, вибрирующим. Теперь он начал нарастать, приобретая высокую, режущую слух ноту. Звук, от которого волосы на затылке встают дыбом. Николай слишком хорошо знал этот звук по роликам в интернете, которые они смотрели в той, прошлой жизни, посмеиваясь над далекими чужими трагедиями.

«Сушки». Фронтовые бомбардировщики.

Они шли по открытому участку трассы, где не было ни единого деревца, способного дать хоть какое-то укрытие. Слева — поле, заросшее сухой полынью, справа — крутой, осыпающийся откос.

Гул перешел в рев.

Николай не сговаривался с Анной. Он даже не посмотрел на нее. Его тело сработало быстрее мозга. Он резко рванул Анну на себя, сбивая ее с ног, и они кубарем покатались в придорожную канаву, заполненную грязной жижей и опавшими листьями.

Ударившись плечом о торчащую из земли арматуру так, что в глазах потемнело, Николай навалился на Анну сверху, вдавливая ее в холодную грязь. Он зажал ей ладонью рот, чувствуя, как ее зубы стучат о его кожу. Она мычала от боли и ужаса, пытаясь вырваться, но он придавил ее всем весом.

— Тише. Дыши в землю. Не дыши носом.

Рев был уже над ними. Земля дрожала не от холода, а от вибрации двигателей. Тень пронеслась над канавой так быстро, что Николай не успел разглядеть очертания — лишь темное брюхо, хищные формы и ощущение абсолютной, всепоглощающей мощи, для которой два человеческих существа на дороге были не более чем случайными муравьями.

Самолеты прошли дальше, на восток, в сторону того, что еще недавно было их домом. Но за ними пришел второй звук. Свист. Короткий, пронзительный, отделяющийся от общего гула.

Николай зажмурился, вжимая лицо Анны в прелую листву.

Земля под ними подпрыгнула.

Взрыв ударил не звуком — он ударил давлением. Воздушная волна прокатилась по канаве, забивая в нос, в рот, в уши смесь земли, гнили и тротиловой гари. Сверху посыпались комья мерзлой почвы и мелкие камни. Где-то впереди, на самой трассе, что-то с оглушительным треском лопнуло, и в небо взметнулся столб жирного, черного дыма.

Свист повторился. Второй. Третий.

Каждый раз Николай мысленно считал секунды, хотя его внутренний счетчик давно сбился. Разрыв. Земля бьет по спине. Свист. Пауза, в которой слышно только оглушительное, срывающееся биение собственного сердца и хриплое дыхание Анны.

Серия закончилась так же внезапно, как и началась.

Рев двигателей начал стремительно удаляться, затихать, растворяясь в посвистывании холодного осеннего ветра.

Николай лежал неподвижно еще минуту. Потом еще одну. Он слушал тишину, которая теперь казалась обманчивой. Он слушал, не застучат ли снова моторы, не раздастся ли новый, нарастающий свист. Но слышно было только, как где-то наверху, по краю канавы, осыпается потревоженная земля.

Он медленно убрал руку от лица Анны. Она судорожно вдохнула, закашлялась, выплевывая грязь. Ее щеки были белыми, в грязных потеках от слез, которые смешались с землей.

— Жива? — спросил Николай. Его собственный голос показался ему чужим, скрипучим.

Анна кивнула, глядя на него расширенными, совершенно безумными глазами. Она не плакала. В ней просто не осталось влаги для слез.

— Нам нужно бежать, — сказал Николай. — Пока они не развернулись. Пока сумерки не сгустились окончательно. До леса. Видишь? Там, за полем.

Он указал рукой на темную полосу деревьев километрах в двух от них. Это была их единственная надежда. В поле они — мишени. В лесу есть шанс затеряться, найти старый блиндаж или просто вжаться в корни деревьев.

Анна снова кивнула. Она не спорила, не задавала вопросов. Ее воля была полностью подчинена его. Она позволила ему вытащить себя из канавы. Ноги ее подкашивались. Николай перекинул ее руку через свое плечо, принимая на себя большую часть ее веса.

Они выбрались на трассу. То, что они увидели, заставило Николая на секунду замереть. Там, где они шли всего десять минут назад, зияла огромная воронка. Асфальт просто перестал существовать, обнажив рыжую, вывернутую наизнанку глину. Сгоревший остов легковой машины, мимо которой они проходили, теперь был отброшен на десятки метров в поле и догорал, чадая в небо.

Точка невозврата.

Они прошли по этому месту. Буквально несколько минут назад их тела занимали то же пространство, которое теперь превратилось в оплавленную яму. Если бы они замешкались, если бы Анна попросила сделать привал чуть раньше, их бы просто не стало. Не было бы ни боли, ни страха, ни этого бесконечного пути на запад. Только пепел.

Эта мысль не принесла облегчения. Она принесла лишь новый, леденящий виток страха. Они выжили не потому, что были умнее или сильнее. Они выжили по чистой, слепой случайности. И эта случайность не обязана длиться вечно.

— Бежим, — скомандовал Николай, хотя это был скорее хриплый выдох.

И они побежали.

Это не был спортивный бег. Это было ковыляние, спотыкание, почти падение двух изможденных людей. Анна хрипела, ее легкие горели, каждый вдох отдавался острой болью в бок. Николай тащил ее, чувствуя, как колено, подвернувшееся еще утром, стреляет раскаленной иглой при каждом толчке. Но гул мог вернуться. Пилот мог заметить движение на дороге внизу.

Поле с сухой полыньей казалось бесконечным. Ноги путались в жестких стеблях, кроссовки скользили по замерзшим кочкам. Темная полоса леса медленно, издевательски медленно приближалась.

Солнце, наконец, окончательно скрылось за дымным маревом. Наступили сумерки — самое опасное время, когда человеческий глаз уже не видит деталей, но приборы ночного видения или тепловизоры работают идеально.

Они влетели под кроны деревьев, спотыкаясь о корни, и рухнули за первый же толстый ствол поваленной березы. Николай упал на колени, тяжело дыша. Его грудная клетка ходила ходуном, пытаясь ухватить хоть немного холодного, пахнущего прелью и хвоей воздуха. Анна сползла по стволу на землю, свернувшись калачиком. Ее била крупная дрожь.

Николай заставил себя подняться. Он не мог позволить себе слабость. Лес — это не только укрытие, это и ловушка. Он достал из внутреннего кармана куртки дешевую китайскую зажигалку. Пластик был холодным и скользким. Он щелкнул кремнем. Оранжевый огонек вспыхнул на секунду, выхватив из темноты их лица — серые, грязные, с ввалившимися глазами, похожие на лица глубоких стариков, — и тут же погас. Николай зашипел и спрятал зажигалку. Огонь ночью — это маяк.

Он достал бутылку с водой. Пластик помялся и стал мягким. Он отвинтил крышку, стараясь не издавать ни звука. — Глотни, — прошептал он, поднося горлышко к губам Анны.

Она сделала один маленький глоток. Вода пахла пластиком и страхом. Она не утолила жажду, лишь напомнила о том, что во рту с утра не было даже крошки.

Николай закрутил крышку. Ему нужно было оставить воду на завтра. На послезавтра. На тот неопределенный день, когда они, возможно, выйдут к какой-нибудь реке, если она еще не отравлена или не охраняется.

— Мы здесь до рассвета, — прошептал он, прижимаясь щекой к шершавой коре. — Не спи. Прислушивайся. Если услышишь машину или шаги — толкай меня.

Анна ничего не ответила. Она просто смотрела в темноту леса невидящими глазами. В ее голове все еще стоял свист падающих бомб и вид той воронки на дороге.

Николай смотрел поверх ее головы, в черноту между деревьями. Он больше не чувствовал холода, хотя осенний мороз уже начал прихватывать воздух. Он не чувствовал боли в колене или саднящей сбитой ладони. Он чувствовал только пульсирующую, звенящую пустоту внутри.

Война началась внезапно. Но только сейчас, сидя в ледяной грязи под корнями мертвой березы, вглядываясь в темноту, которая больше не казалась мирной, Николай понял, что точка невозврата была пройдена не в момент взрыва их дома и даже не в момент, когда они перешагнули через первое тело на трассе.

Она была пройдена только что. Там, в канаве, под давлением ударной волны, когда его тело накрыло Анну, инстинкт самосохранения окончательно выжег в нем Николая — мужа, программиста, человека, который любил по утрам варить кофе и смотреть старые комедии. На его месте остался кто-то другой. Голый, дрожащий от адреналина зверь, у которого есть только одна задача: увести свою самку подальше от огня. Любой ценой. Даже если для этого придется идти по трупам.

Он закрыл глаза, проваливаясь в тяжелую, тревожную дремоту без снов, готовый в любую секунду вскочить от малейшего шороха. Запад ждал их где-то там, за этим лесом, за следующей трассой, за бесконечным горизонтом. Но Николай больше не верил в спасение на западе. Спасения не было. Был только этот бесконечный бег. Левая нога. Правая нога. Держать ее за руку. Не останавливаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.